

ПЕРЕВОЗЪ ВЕЩЕЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Въ 1812 году я находился на службѣ въ Мастерской Оружейной Палатѣ (нынѣ называемая Московскою Оружейною Палатой). Въ то время она помѣщалась въ Теремахъ, въ Грановитой Палатѣ и въ комнатахъ, называемыхъ теперь Фрейлинскими; зданіе же, назначенное собственно для Оружейной Палаты, было тогда только что окончено отдѣлкою, и мы со дня на день ожидали приказанія переносить въ него вещи. (Теперь это зданіе обращено въ гвардейскія казармы).

Вдругъ въ Москвѣ пронеслась молва, что Наполеонъ съ огромною арміею приближается къ нашей древней столицѣ. Поднялась суматоха въ городѣ. Московскій главнокомандующій, графъ Растопчинъ началъ для успокоенія изволнованныхъ жителей выдавать печатныя афиши. Несмотря на то, всѣ были погружены въ какое то тоскливое безпокойство и смутно представляли себѣ опасность, угрожавшую древней столицѣ. Кружки разныхъ сословій, съ озабоченными лицами собиравсь тамъ и сямъ, на улицахъ, на площадяхъ, оставляя свои занятія, читали афиши Растопчина и недоувѣрчиво и съ грустію спрашивали: что то будетъ съ нами. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны эти афиши, которыми Растопчинъ ублаживалъ страхъ и ужасъ жителей и старался уменьшить въ глазахъ народа опасность, говоря ему, „шапками закидаемъ непріятеля!“

А между тѣмъ на иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ, въ особенности же на французовъ, стали смотрѣть недоувѣрчиво и подозрѣвать ихъ въ шпіонствѣ, что къ несчастію и оправдалось на дѣлѣ въ лицѣ извѣстной въ то время французженки мадамъ Шельме. Непріятель все ближе и ближе подвигался къ Москвѣ. 11 іюля неожиданно пріѣхалъ

Императоръ Александръ I-й въ Москву и въ то же утро въ 12 часовъ, при стеченіи множества народа имѣлъ шествіе въ Успенскій Соборъ; послѣ того Онъ не выѣзжалъ никуда изъ дворца и принималъ къ себѣ только главныхъ должностныхъ лицъ. 14-го числа по утру, часовъ въ 11-ть прискакалъ тройкой на курьерской телѣжкѣ прямо ко Дворцу Великій Князь Константинъ Павловичъ, и на другой день его приѣзда велѣно было собраться дворянству и прочимъ сословіямъ въ Слободскомъ Дворцѣ. Императоръ прибылъ туда вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ въ одной коляскѣ. Въ тотъ же день Москва узнала, что тамъ рѣшенъ былъ вопросъ о рекрутскомъ наборѣ и милиціи, и громъ того Московское дворянство постановило собрать въ Московской губерніи для внутренняго ополченія со ста душъ по десяти человѣкъ, вооруживъ ихъ по возможности и снабдивъ одеждою и провіантомъ. Графы: Мамоновъ и Самтыковъ предложили изъ своихъ крестьянъ и на свой счетъ сформировать два казачьихъ полка. Купечество же предложило на потребныя для ополченія издержки сдѣлать со всѣхъ гильдій денежный сборъ, расчисля оной на капиталъ; но не довольствуясь этимъ, часть купечества изъявила желаніе на частныя, сверхъ общаго сбора, отъ лица каждаго пожертвованія, и не выходя изъ Дворца, приступили къ подпискѣ, по которой составила суммa въ полтора милліона рублей.

18-го іюля, Высочайшія Особы выѣхали въ С. Петербургъ.

11-го августа получено было преписаніе въ Оружейную Палату, отъ главноначальствующаго надъ нею Г. Валуева, укладывать вещи для перенесенія во вновь выстроенную Палату, для сдѣланія же для сего ящиковъ выдано было 500 р., но скоро мы, служащіе, узнали, что эта укладка назначена не для переноски вещей въ новое зданіе, а просто напросто для вывоза изъ Москвы. Немедленно всѣ занялись ихъ укладкой. Наняты были разные мастеровые для приготовленія ящиковъ и другихъ упаковокъ, въ которыхъ должны были помѣститься вещи. Несмотря на то, что мастерамъ платили очень дорого, трудно было найти ихъ. Цѣлые дни Палатскіе чиновники и служители были заняты работою, и никому не позволяли отлучаться изъ Палаты. Чай и обѣдъ доставляли намъ на казенный счетъ изъ ближайшихъ трактировъ. Всѣмъ этимъ непосредственно распоряжался бывшій въ то время непремѣннымъ членомъ Палаты Иванъ Петровичъ Поливановъ.

Помню я, въ то время въ Москвѣ ходилъ слухъ, что на Воробьевыхъ горахъ дѣлаютъ какой-то огромнѣйшій шаръ, для нанесенія вреда непріятелю. Этотъ слухъ основывался особенно на томъ, что графъ Растопчинъ ежедневно ѣздитъ туда въ сопровожденіи ординарца изъ ополченцовъ. Но какимъ образомъ посредствомъ этого шара думали нанести вредъ непріятелю, это покрыто мракомъ неизвѣстности.

21-го августа Поливановъ донесъ Валуеву, что всѣ Палатскія вещи уложены въ ящики, и въ тотъ же день позволено намъ было навѣстить родныхъ и знакомыхъ съ условіемъ возвратиться назадъ непременно вечеромъ. Во время нашего отсутствія, для нѣкоторыхъ бѣдныхъ чиновниковъ и служителей куплены были разныя теплыя одежды и съѣстные припасы. На другой день, т. е. 22-го числа около сумерекъ приведены были подводы съ телѣгами и дрогами по распоряженію графа Растопчина. Всѣхъ подводъ было около полутораста; поставили на нихъ ящики съ вещами, составили имъ списки, раздѣливъ ихъ на пять отдѣленій. Надъ каждымъ отдѣленіемъ назначенъ былъ начальникомъ особый чиновникъ, но всѣмъ завѣдывалъ самъ Поливановъ. Когда все было приготовлено къ отъѣзду явился къ намъ верхомъ плацъ-маіоръ отъ коменданта и повелъ насъ къ Коломенской заставѣ, здѣсь пожелавъ намъ, какъ водится, счастливаго пути, онъ поѣхалъ обратно въ Москву.

Выступивъ за заставу, обозъ нашъ, конвоируемый капитаномъ съ 30-ю нижними чинами инвалидной роты, находившейся въ то время при дворцахъ, потянулся въ Коломну. У Поливанова было, какъ мы узнали послѣ, предписаніе ѣхать въ этотъ городъ и оттуда на приготовленныхъ заблаговременно уже двухъ баркахъ отправиться по Окѣ въ Нижній Новгородъ; а если будутъ угрожать опасности тамъ, то и въ Казань. На подводахъ нашихъ были прибиты деревянные двухглавыя орлы для показанія, что обозъ казенный, и для отвращенія какихъ либо непріятностей, но при всѣхъ взятыхъ нами мѣрахъ мы не миновали непріятностей, особенно при вѣздѣ нашемъ въ нѣкоторыя большія селенія; мужики, не взирая ни на что, нерѣдко обращались съ нами дерзко и грубо за то, что мы оставляемъ матушку Москву въ такое смутное время, какъ будто бы мы уѣзжали изъ Москвы по собственной волѣ. Бывали случаи, что сломается ось или колесо, а какъ запасныхъ съ нами не было, да и запастись ими въ то время не было никакой возможности, то приходилось пріобрѣтать ихъ покупкою, а покупка не всегда удавалась, потому что крестьяне часто рѣшительно отказывались отъ продажи осей и колеса, вѣроятно берегли ихъ на всякій случай для себя. Но такъ какъ безъ оси или колеса невозможно было продолжать путь, то совокупными силами въ крайнихъ случаяхъ мы отнимали и за взятое бросали деньги озлобившимся хозяевамъ, и при этомъ нерѣдко бывали ссоры.

Пріѣхавъ въ Коломну, мы немедленно помѣстили нашъ транспортъ на приготовленныя барки. Поливановъ, поручивъ наблюдать за нимъ капитану съ его командой, самъ вмѣстѣ съ нами отправился въ городъ, чтобы получить какое нибудь свѣдѣніе о Москвѣ. Мы узнали,

что послѣ сраженія при Бородинѣ, наша армія отступила; это заставило насъ поспѣшить съѣсть на барки и отправиться въ Нижній Новгородъ, а телеги и дроги передъ отъѣздомъ мы оставили на сбереженіе Коломенскому городничему.

Надобно сказать, что отъ графа Раstopчина у Поливанова было предписаніе всѣмъ властямъ оказывать намъ содѣйствіе. и кромѣ того, Поливановъ имѣлъ листъ (за чѣмъ подписаніемъ не упомяну), въ случаѣ надобности брать деньги въ казначействахъ, въ чемъ, однако, не оказалось надобности.

Ночью, подѣвжая къ Рязани, мы увидали большое зарево и думали, что это гдѣ нибудь вдали пожаръ; послѣ мы узнали, что это было зарево отъ Московскаго пожара. Приплывъ къ Рязани утромъ, мы остановились. Поливановъ взялъ меня съ собою и отправился въ городъ къ Губернатору узнать, нѣтъ ли какихъ извѣстій о положеніи Москвы. Въ домѣ Губернатора мы застали суматоху, разставлены были разные ящики, и въ нихъ торопливо что то укладывали. Губернаторъ на вопросъ Поливанова о состояніи Москвы отвѣчалъ, что ему рѣшительно ничего не извѣстно. Но видя всѣ эти приготовленія, Поливановъ заключилъ, что есть что нибудь опасное. Распростившись съ Губернаторомъ, мы поскорѣе отправились обратно на барки и продолжали путь далѣе.

За Рязанью наши барки подѣхали къ перевозу чрезъ Оку, и мы увидали слѣдующее зрѣлище. Весь лѣвый берегъ рѣки былъ усеянъ конными и пѣшими, старыми и молодыми, спѣшившими изъ Москвы и другихъ мѣстъ, которымъ угрожалъ непріятель. Вся эта толпа нетерпѣливо ждала поскорѣй перебраться на другую сторону, но переправа совершалась неудовлетворительно, по причинѣ недостатка паромовъ и лодокъ, такъ и перевозчиковъ. Поливановъ, движимый чувствомъ челоувѣколюбія, приказалъ остановить барки и, посадивши на лодки нѣсколько солдатъ и рабочихъ мужиковъ, находившихся съ нами, приказалъ имъ перевозить пѣшій народъ. При такомъ содѣйствіи, перевозъ пошелъ успѣшнѣе, и вся толпа пѣшихъ была при насъ перевезена на другую сторону, а конныхъ перевозили перевозчики. Тутъ мы узнали, что Москва занята французами. Мы спѣшили удалиться и ѣхали день и ночь. Но плаваніе наше было не безъ затрудненій: барки часто садились на мель, и намъ стоило иногда большихъ трудовъ стаскивать ихъ съ мели, да къ тому же еще случилось происшествіе, задержавшее насъ цѣлые полдня. Кромѣ двухъ большихъ барокъ у насъ была третья маленькая, на которой помѣщалась только наша кухня, изъ прислуги же на ней не было никого, кромѣ старика повара. Она была привязана веревкой къ одной изъ большихъ барокъ.

Ночью, веревка лопнула, барка отдѣлилась, такъ что никто изъ насъ этого не замѣтилъ, и мы спокойно продолжали свой путь. Такъ мыплыли до самаго утра и только тогда замѣтили нашу оплошность. Дѣлать было нечего, отправили лодку съ достаточнымъ количествомъ людей на поиски. Наконецъ наши увидали стоявшую на мели барку и на ней повара съ поднятыми къ небу руками. Какъ же обрадовался старикъ, увидавъ своихъ спасителей. Мы стащили съ мели барку и поплыли съ ней на мѣсто.

Притащивъ барку съ поваромъ, мы поплыли далѣе. Иногда оказывался у насъ недостатокъ въ състныхъ припасахъ, и мы должны были останавливаться и отправляться на лодкахъ для закупки ихъ въ ближайшія деревни. Въ одну изъ таковыхъ пріѣзжаемъ мы, закупивъ для насъ необходимое; мы уже собрались ѣхать обратно, какъ вдругъ ратники, стояшіе въ этомъ селеніи, заподозрѣли насъ въ шпіонствѣ, и несмотря на наши увѣренія въ томъ, что мы чиновники казеннаго транспорта, они посадили насъ въ лодку, и сами привезли насъ на наши барки, чтобы удостовѣриться, справедливы ли наши показанія. Въ той деревнѣ, гдѣ мы закупили провизію, довольно много ратниковъ было, для охраненія оной на случай внезапнаго появленія французовъ (какъ мы узнали послѣ). Этотъ страхъ распространился по всемъ мѣстамъ, гдѣ мы проѣзжали, почти до самаго Нижняго Новгорода, и вездѣ были приняты подобныя мѣры. Послѣ встрѣтившагося съ нами случая, намъ запрещено было отправляться за покупками, а довольствоваться тѣмъ, что есть. Мы принялись стрѣлять дичь, а иногда домашнихъ гусей и утокъ, плававшихъ по Окѣ, и удаленныхъ отъ деревень. Однако жъ, узнавши объ этомъ, Поливановъ запретилъ эту охоту.

Далеко за нами оставались Москва, но мы все еще не могли успокоиться ни за себя ни за транспортъ. Все мы день и ночь расхаживали по палубѣ съ саблями и заряженными ружьями въ рукахъ, смѣняли одинъ другого для отдохновенія. На носу барки находился дежурный изъ чиновниковъ, а на кормѣ другой. Случилось какъ то, что одинъ изъ дежурныхъ на кормѣ отлучился съ своего поста, для подкрѣпленія силъ и возбужденія храбрости, (а въ средствахъ этихъ недостатка не было), другой, бывший на носу, сталъ упрекать его въ нарушеніи обязанности. Обвиняемой на это остроумно замѣтилъ: „ты, братъ, ужъ носъ-то веди, а корма не отстаешь!“ Инвалидные же солдаты, при насъ находившіеся, всегда были на палубѣ безотлучно съ нами.

Наконецъ, приплыли мы въ Нижній Новгородъ. Здѣсь ожидалъ насъ бывший тогда главноприсутствующимъ Палаты Дмитрій Ивановичъ Киселевъ. Онъ заблаговременно приготовилъ кладовыя для вещей

и обывательскія квартиры для нашего помѣщенія. Мы были поражены огромнымъ стеченіемъ народа изъ Смоленска, Москвы и другихъ мѣстъ, занятыхъ французами. Городъ представлялъ толкучій рынокъ, гдѣ каждый суетился и бѣгалъ съ намѣреніемъ отыскать родныхъ или близко знакомыхъ и услышать отъ нихъ какія нибудь худыя или хорошія вѣсти объ оставленныхъ ими мѣстахъ.

Въ это время пришло къ намъ изъ Москвы нѣсколько придворныхъ служителей и рядовыхъ, добровольно оставшихся тамъ, кто для сбереженія своего дома и имущества, а кто по тому, что не подозрѣвалъ тѣхъ несчастій, которыя суждено было имъ испытать, а намъ въ дорогѣ въ нихъ надобности не было. Всѣ они были приняты подъ наше общее начальство и покровительство. Разказы новоприбывшихъ были для насъ очень интересны.

Такъ одинъ солдатъ рассказывалъ, что французы, подозрѣвая его въ зажигательствѣ Москвы, приговорили повѣсить его на фонарномъ столбѣ вмѣстѣ съ прочими, которыхъ также обвиняли въ поджогахъ; всѣхъ ихъ уже привели на Тверской бульваръ, но смертный приговоръ почему то не былъ приведенъ въ исполненіе и всѣхъ ихъ отпустили. Получивъ свободу, онъ пробрался въ Нижній-Новгородъ. Одинъ служитель нашего жъ отдѣленія рассказывалъ, что какой то французскій солдатъ, встрѣтивъ его на улицѣ, взвалилъ ему на спину огромный мѣшокъ картофеля; ноша была служителю не по силамъ, и онъ просилъ француза дать ему хотя отдохнуть немножко, но французъ закатилъ ему такую зуботычину, что служитель забылъ думать объ отдыхѣ и безпрекословно дотащилъ ношу до мѣста назначенія. Другому служителю пришла охота отправиться пограбить въ ряды: въ это время брали всѣ, кому что угодно, потому что всѣ лавки были отперты и оставлены хозяевами. И какъ то удалось ему утащить голову сахару, но чтобы французы не лишили его добычи, онъ прибѣгнулъ къ хитрости: закуталъ голову сахара въ шинель, и идя между французовъ, убаюкивалъ ее, какъ ребенка, и этимъ успѣлъ обмануть непріятелей; нѣкоторые даже давали ему разныя лакомства для мнимаго малютки. Такимъ образомъ, все шло, какъ нельзя, лучше, и только у самаго его дома обманъ былъ открытъ, французы отняли сахаръ и даже сняли съ него платье и сапоги. Оставшись въ одной рубашкѣ, онъ сталъ искать, гдѣ бы ему укрыться отъ холода сентябрьской ночи, потому что въ домъ французы не пустили, и никого изъ жившихъ въ домѣ не нашлось. Наконецъ, отыскалъ онъ двѣ пустыя кадки и помѣстилъ одну половину себя въ одной кадкѣ, а другую въ другой. Въ такомъ незавидномъ положеніи началъ онъ обдумывать, какъ бы ему убѣжать изъ Москвы, а о ближнихъ и родныхъ размышлять было некогда. Кое-какъ

пролежавши въ кадкахъ до утра, онъ, наконецъ, всталъ и отправился, куда глаза глядятъ, отыскивать какое нибудь платье для прикрытія наготы своей. Нашелъ онъ какихъ то своихъ знакомыхъ, которые нарядили его въ совершенно изношенное платье и дырявые опорки и тѣмъ дали возможность безпрепятственно пройти черезъ непріятельскія цѣпи. Достигнувъ русскихъ аванпостовъ, онъ переодѣлся въ предложенный ему русскими сѣрый мужицкій кафтанъ и крѣпкіе лапти, и въ такомъ уже видѣ прибылъ къ намъ въ Нижній Новгородъ. До самой своей смерти онъ терпѣть не могъ, когда его подчивали сахаромъ.

15-го октября въ Нижнемъ Новгородѣ распространилось извѣстіе, что непріятель оставилъ Москву. Трудно себѣ представить ту радость, тотъ восторгъ, съ какимъ была принята эта отрадная вѣсть. Народъ стекался въ храмы благодарить Бога за неожиданное избавленіе отъ всѣхъ предстоявшихъ бѣдствій. Вездѣ слышался радостный говоръ, всѣ поздравляли другъ друга, что горе-несчастіе миновало, всѣмъ хотѣлось скорѣе видѣть родныхъ и близкія сердцу мѣста; но страхъ попасться въ руки непріятели удерживалъ отъ исполненія такого желанія, потому что не было извѣстно положительно, въ какую сторону и по какой дорогѣ потянулись французы.

Но когда узнали, что непріятель послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ поворотилъ на Смоленскую дорогу, по которой вошелъ въ Москву, то всѣ окончательно увѣрились, что онъ простился съ нею навсегда. Тотчасъ же многіе отправились въ Москву, кто изъ простого любопытства, кто посмотрѣть, въ какомъ положеніи находится оставленное имъ жилище. Не всѣмъ суждено было найти въ цѣлости оставленное, многіе по пріѣздѣ въ Москву находили только однѣ обезображенныя пожаромъ стѣны своихъ домовъ, а другіе не находили и этого, довольствовались однимъ воображеніемъ, что на такомъ то мѣстѣ стоялъ прежде ихъ домъ. Большая часть отправившихся скоро вернулись назадъ въ Нижній Новгородъ, потому что оставаться въ Москвѣ не было возможности за неимѣніемъ помѣщенія.

Въ началѣ декабря Поливановъ получилъ предписаніе везти всѣ государственныя вещи во Владиміръ и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Это насъ чрезвычайно обрадовало, и по первому зимнему пути на нанятыхъ подводахъ мы переѣхали во Владиміръ и заняли тамъ квартеры, а для вещей подвалы, приготовленные присланнымъ изъ Москвы чиновникомъ.

Тогда во Владимірѣ былъ гражданскимъ Губернаторомъ Авдѣй Николаевичъ Супоневъ, пользовавшійся любовью и уваженіемъ цѣлой губерніи за доступъ къ нему каждому, кто только имѣлъ въ немъ

надобность, и за свое гостепрѣимство. Начальнику нашему Поливанову не трудно было сойтися съ нимъ и даже отрекомендовать ему насъ.

Въ шестимѣсячное пребываніе наше во Владимірѣ, ничего замѣчательнаго не встрѣтилось, жизнь шла слишкомъ однообразно, потому что никто еще не пришелъ въ себя отъ нашествія непріятельскаго, даже и въ время святокъ не было въ городѣ никакихъ увеселеній. Въ началѣ Іюня 1813 г. получено было предписаніе перевезти всѣ вещи въ Москву.

Насталъ день нашего выѣзда изъ Владиміра. Поливановъ распорядился, чтобы къ двумъ часамъ по полудни подводы съ вещами и вся команда наша была на площади противъ присутственныхъ мѣстъ. Когда все это собралось, Губернаторъ и многіе изъ жителей Владиміра прѣехали проводить насъ. Отслуживъ молебень и поблагодаривъ всѣхъ собравшихся за расположеніе къ намъ, мы простились съ ними и отправились въ путь.

Проѣзжая по Владимірской губерніи, мы ничего особеннаго не слышали и не видали, но какъ только въѣхали въ Московскую, то слышали болѣе или менѣе любопытные рассказы крестьянъ о томъ, какъ они принимали французовъ и чѣмъ ихъ угощали.

Верстахъ въ шестидесяти отъ Москвы мы остановились кормить лошадей въ деревнѣ, (названія не припомню). Въ ней замѣтили мы крестьянина пожилыхъ лѣтъ съ огромными мускулистыми руками. — „Отчего у тебя такія руки—спросили мы.

—Да такъ, много поработали на своемъ вѣку, началъ крестьянинъ. Грѣшный человѣкъ любилъ съ молоду побиться на кулачки. Бывало, какъ увижу, что дерутся, такъ меня инда пройдетъ дрожь. Я съ его сіятельствомъ, Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ много разъ бился. Здоровъ былъ, нечего сказать, покойникъ, царство ему небесное, драться. Какъ бывало этакъ кого саданетъ, такъ и оттирай послѣ того человека бодягой. А ужъ какъ силенъ былъ, и, и, и, какъ силенъ. Подковы разгибалъ.—

—Да ты все про пустое то рассказываешь, Иванычъ, перебилъ его другой мужикъ. Ты вотъ лучше поразскажи господамъ-то, какъ французовъ бивалъ.

—Да, французамъ также досталось отъ меня на порядкахъ. Вотъ какъ это было: были у меня новые сапоги на ногахъ, ну вотъ и пришли французы, а они куда падки на обувь. Вотъ иной разъ нахлынетъ ихъ много, ну мы всѣ и попрячемся, а какъ придетъ поменьше, такъ тутъ и чего было бояться.

—Да почему же вы знали, сколько ихъ придетъ, спросили мы.

— Какъ почему? А караульные то на что. У насъ завсегды очередные сидѣли на деревьяхъ да смотрѣли, не идутъ ли французы. Ну, глядя по тому, сколько ихъ привалить, мы, примѣрно такъ съ ними и распоряжались. Такъ вотъ разъ и бѣжить ко мнѣ одинъ французъ, подбѣжалъ да и давай бормотать по своему, да руками показывать на сапоги, т.-е. сымай, дескать, сапоги. Я думаю себѣ ладно, и сталъ будто сымать сапоги съ себя, самъ сымаю, а этакъ показываю видъ, что будто не сымаются, тѣсны, значить, они. Вотъ французъ подошелъ нагнулся и давай стаскивать съ меня сапоги. А я какъ отрѣю его кулакомъ-то по головѣ, ну паренъ мой и покатился, а еще въ ходъ пустилъ коротенькую дубинку, которая у меня всегда про запасъ была, глядь, а французъ и ноги ужъ протянулъ. Такъ вотъ такими то гостинцами я угощалъ все ихъ“.

Подвигаясь къ Москвѣ мы много слышали, какъ мужички управлялись съ французами во время посѣщенія ими деревень.

Къ общему всѣхъ насъ желанію, пріѣхали мы на послѣднюю станцію и стали кормить лошадей, а у самихъ душа не на мѣстѣ; думаемъ, скоро ли покажется Москва, скоро ли мы увидимъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Показалась желанная застава, и стали мы понукать лошадей. Проѣхавъ заставу, мы увидали цѣлый рядъ безобразныхъ развалинъ. Уныло глядѣли обгорѣлыя, закоптѣлыя зданія. Грустью вѣяло отъ нихъ. Разсыпавшійся кирпичъ грудями лежалъ такъ, что иной разъ приходилось сворачивать съ дороги и далеко объѣзжать развалины. Наконецъ, мы пріѣхали въ Кремль, и поставили ящики съ вещами въ новую Оружейную Палату. Это было Іюня 16-го 1813 г.

Слѣды пожара и разрушенія были видны и въ Кремлѣ. Церковь, пристроенная къ колокольнѣ Ивана Великаго, Іоанна Лѣвстичника. Арсеналь, Водовозная башня и двѣ въ стѣнѣ, идущей параллельно съ набережною отъ Тайнинскихъ воротъ,— все это было взорвано. Желѣзныя рѣшетки набережной отъ Каменнаго моста и до Москворѣцкаго разлетѣвшимися камнями были сшиблены и лежали въ Москвѣ рѣкѣ. Камни находили даже на Болотѣ и на Полянкѣ. Никольскія ворота также пострадали отъ взрыва: уцѣлѣла въ нихъ та часть воротъ, на которой находился образъ Святителя Николая, и даже стекло осталось невредимо, что свидѣтельствуемъ повинѣ надпись, сдѣланная подъ образомъ. Кремлевскій дворецъ и Грановитая Палата сторѣли. Успенскій Соборъ внутри сильно пострадалъ, потому что въ немъ было устроено французами столярное заведеніе. Это рассказывалъ очевидецъ, полковникъ Поливановъ (родной братъ Поливанову, который увозилъ Государственныя вещи изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ). Онъ командовалъ тогда частію ополченія, передъ выходомъ непріятели былъ недалеко

отъ Москвы, и въ числѣ первыхъ вступилъ въ нее по выходѣ французовъ. Исправленіе всѣхъ поврежденій храма въ непродолжительномъ времени стало совершаться подъ надзоромъ и попеченіемъ духовныхъ лицъ. Ризы для иконостаса и прочія серебряныя вещи дѣлались въ нижнемъ этажѣ митрополичьяго дома, который нынѣ обращенъ въ Николаевскій дворецъ.

Вскорѣ, по возвращеніи нашемъ въ Москву, я навѣстилъ Правителя канцеляріи Палаты, Дмитріева. Пришедши къ нему, я былъ пораженъ его наружностію. Онъ былъ очень худъ и желтъ. — „Что съ Вами сдѣлалось? Вы нездоровы? спросилъ я.

— Хорошо ты, братъ, сдѣлалъ, что уѣхалъ изъ Москвы, отвѣчалъ Дмитріевъ, а я старый дуракъ, Богъ знаетъ, зачѣмъ остался въ ней.

— Да что же съ Вами случилось, спросилъ я его нетерпѣливо. Это братъ, вотъ какъ было. Ты знаешь, что я все это время оставался въ Москвѣ, и большею частію до вступленія непріятельскихъ войскъ былъ въ Кремлѣ, а въ тотъ день, въ который они вошли въ Москву, я неотлучно находился въ Теремахъ, вмѣстѣ съ оставшеюся при мнѣ командою; и слышу отъ пришедшаго ко мнѣ служителя, что французы подходятъ къ Кремлю. Я надѣлъ мундиръ, шпагу, да треугольную шляпу въ твердой увѣренности, что французы взойдутъ въ Терема, и чтобы ихъ поприличіи встрѣтить, но о какой нибудь опасности и не думалъ. Изъ Терема вижу я, что огромная свита французовъ подѣхала верхомъ къ лѣстницѣ, что къ Спасу на Бору, и прямо пошла во дворецъ. Не прошло часу, какъ идутъ изъ дворца въ Терема, былъ ли тутъ Наполеонъ, или нѣтъ, не знаю. Только я какъ подобаешь встрѣтилъ всѣхъ ихъ съ почтеніемъ и съ поклономъ. Одинъ изъ нихъ должно быть полякъ и спросилъ меня по-русски, гдѣ вещи. Я отвѣчалъ ему, что онѣ увезены въ Нижній-Новгородъ. При этихъ словахъ какой то въ мохнатой шапкѣ началъ свистать. Нѣкоторые спокойно вышли вонъ, а другіе, оставшись, пришли въ неописанную ярость, и изъ нихъ одинъ, не говоря ни слова, подойдя ко мнѣ, такъ ударилъ меня въ грудь, что я свѣту Божьяго не взвидѣлъ, и не помню какъ я только съ помощью своихъ служителей дотащился домой. Такъ вотъ что со мной случилось.

— Я по возможности успокоилъ старика и простился съ нимъ, пожелавъ ему выздоровленія. Но бѣдный старикъ все чахъ и чахъ, и наконецъ, умеръ чрезъ годъ послѣ нашего пріѣзда.

Въ 1814 г. скончался Валуевъ, которому подчиненные его отдали послѣдній долгъ по чувству своего расположенія, несли его на себѣ изъ дома въ Дѣвичій монастырь, гдѣ онъ и похороненъ, и поставили по времени надъ его могилой приличный памятникъ на свой счетъ, что свидѣтельствуется надпись на памятникѣ.

На мѣсто Валуева поступилъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, — князь обладалъ двадцатью четырьмя тысячами душъ крестьянъ, съ богатыми рыбными ловлями, и супруга его такъ же имѣла большое состояніе, но жили врозь: она всегда въ Петербургѣ, а онъ въ Москвѣ, прїѣзжая въ Петербургъ князь всегда бывалъ у нея. Роскошь князя состояла преимущественно въ собираніи знаменитыхъ картинъ, мраморныхъ бюстовъ, и всякаго рода рѣдкихъ вещей. Таковыхъ у него было большое количество, и пріобрѣтенныя вещи навсегда оставались у него въ домѣ; онъ дѣлалъ это по примѣру своего родителя, о чемъ, онъ самъ нерѣдко говорилъ. Князь любилъ приближенныхъ къ себѣ дарить вещами, но на этотъ случай покупалъ особыя вещи, нисколько не касаясь въ домѣ поступившихъ.

Въ это время князь ужъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Въ его ногахъ замѣтна была слабость, но за всѣмъ тѣмъ въ немъ не было той вялости и той неподвижности, которой подвергаются въ его лѣта многіе изъ стариковъ. Приятная улыбка никогда не оставляла его лица, а въ звонкомъ его голосѣ выражалась мягкость и вмѣстѣ покровительственный тонъ, костюмъ его напоминалъ Екатерининское время; голова всегда была напудрена и сзади пучекъ.

При всеневныхъ обѣдахъ у него играла роговая музыка, и всегда бывали на обѣдѣ много изъ извѣстныхъ лицъ тогдашняго времени, и нерѣдко бывали тоже приглашаемы изъ его подчиненныхъ, какъ то экзекуторы, смотрителя и столоначальники. Князь никогда и ни передъ кѣмъ не стѣснялся и держалъ себя предъ всѣми одинаково важно.

Въ присутствіи Конторы онъ постоянно прїѣзжалъ въ 12 часовъ и оставался до двухъ, а иногда и болѣе.

Въ передней комнатѣ встрѣчалъ князя экзекуторъ и столоначальникъ; обязанность столоначальника состояла принять отъ князя въ передней шляпу и трость съ золотымъ набалдашникомъ, украшеннымъ брилліантами, и нести за нимъ въ присутствіе, положить на приготовленный для этого особый столъ, и идти къ своимъ занятіямъ. Когда же князь подымался съ своихъ креселъ, для выѣзда изъ присутствія, тотъ же столоначальникъ подавалъ ему въ руки ту же трость и шляпу. Жалованье, назначенное князю по службѣ, онъ не бралъ, а предоставлялъ дѣлить между нуждающимися чиновниками, которые находились подъ его начальствомъ.

Извѣстный въ Москвѣ бывший торговецъ Волковъ, впоследствии умершій, называлъ Юсупова своимъ благодѣтелемъ и говорилъ, что пріобрѣтеніемъ своего состоянія много обязанъ князю, который никогда не отказывалъ Волкову въ деньгахъ, и позволялъ брать заимообразно въ домовой его конторѣ, сколько ему нужно, чѣмъ давалъ Волкову возможность пріобрѣтать часто весьма цѣнныя вещи, что, конечно,

давало Волкову средства къ обогащенію его магазина; въ знакъ своей благодарности, Волковъ поставилъ въ своемъ магазинѣ мраморный бюстъ князя Юсупова, который и понынѣ хранится его дѣтьми.

Покойные императоры Александръ Павловичъ и Николай Павловичъ оказывали Юсупову всегда милостивое вниманіе. Онъ нерѣдко ѣздилъ въ С.-Петербургъ, и отвозилъ въ гостинецъ дѣтямъ царской фамиліи московскіе калачи, и дѣти звали его дѣдушкой.

Князь нерѣдко въ лѣтнее время ѣздилъ въ свое подмосковное село Архангельское, которое извѣстно Москвѣ по своему великолѣпію и внутреннему украшенію дома, художественными произведеніями мраморныхъ бюстовъ и знаменитѣйшихъ картинъ. Онъ бралъ иногда съ собою своихъ воспитанницъ одѣтыхъ во время переѣзда въ казацкое мужское платье затѣмъ, чтобы посторонніе не могли заключить, что въ его каретѣ сидѣли особы женскаго пола.

Въ 1831 году іюля 15-го послѣ непродолжительной болѣзни умеръ Юсуповъ, и похороненъ съ приличною церемоніею въ своемъ селѣ Котовѣ-Спасскомъ, въ двадцати верстахъ отъ Москвы, куда всѣ бывшіе при отпѣваніи, за гробомъ его ѣхали. Когда же князь былъ зарытъ въ могилу, то сынъ его Борисъ Николаевичъ, приглашалъ сопровождавшихъ покойнаго на обѣдъ такъ: „покорнѣйше прошу помянуть покойнаго, это батюшка мой въ послѣдній разъ васъ угощаетъ“.
